

Тема «равенства Богу» (Флп. 2:6) в политическом дискурсе античности

Сергиенко Г.А.

В послании Филиппийцам апостол Павел затрагивает весьма деликатную, особенно для еврея, тему «равенства Богу» (ἴσα θεῷ): Сын, будучи «образом Бога» не считал необходимым отстаивать статус «равенства Богу», но, напротив «смирил себя, быв послушным даже до смерти и смерти крестной» (2:6-8).

Именно в силу уникальности личности Бога (Втор. 6:4) ничто и никто не может быть равным Ему. Вне всякого сомнения, утверждение Павла о существовании кого-то, кто «равен Богу», не может остаться незамеченным. Тем более, если учесть, что это утверждение вышло из под пера бывшего фарисея и строгого приверженца монотеистической традиции. Именно поэтому отрывок из Послания Филиппийцам 2:6-11 по праву считается одним из ключевых текстов «высокой» христологии, который лег в основание тринитарного богословия Отцов церкви.

Когда Павел употребляет фразу «равенство Богу», он невольно вторгается на территорию политического дискурса античности, в котором эта фраза имела прямое отношение к вопросам власти и господства. И иудейские и эллинистические источники содержат множество примеров того, как могущественные земные правители пытались переступить за грань человеческой ограниченности и стать «равным Богу»¹. Давайте рассмотрим некоторые из них.

Одной из особенностей еврейского Священного Писания (подобной нет ни в одной другой из числа древних ближневосточных ре-

¹ В этом исследовании мы опираемся на следующие источники: Fishwick, Duncan. *The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Provinces of the Roman Empire*. – Leiden: Brill, 1987; Gowan, Donald. *When Man Becomes God: Humanism and 'Hybris' in the Old Testament*. – Pittsburg: Pickwick Publications, 1975; Price, S. R. F. *Rituals and Power the Roman Imperial Cult in Asia Minor*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984; Vollenweider, Samuel. *Der "Raub" Der Gottgleichheit: Ein Religionsgeschichtlicher Vorschlag zu Phil 2.6 (-11)/New Testament Studies 45, 1999*. – P. 413-33.

лигий) является то, что человек изображен как тот, который бросает вызов власти самого Бога. Тот, кому Бог доверил власть управлять (Быт. 1:28), постоянно борется с искушением стать «как боги» (Быт. 3:5). В Ветхом Завете именно гордыня, а также богатство и власть приводят человека к высокомерному отрицанию Бога (Пс. 9:25б; Иов 15; Соф. 1:12).

В одной из ранних библейских историй о Вавилонской башне (Быт. 11:1-9) мы встречаем первый пример коллективного противостояния Божьему повелению «наполнять землю» (Быт. 1:28). В центре повествования не только история о строительстве башни, но и города, а также последующее намерение «рассеяться по всему лицу земли» (Быт. 11:6). Озабоченность Бога тем, что люди не отстанут от своего замысла, звучит для нас как признание того огромного потенциала на созидание и разрушение, который заключен именно в коллективном человеческом усилии. Как бы не выглядело дерзким желание отдельного человека «быть богом», оно не идет ни в какое сравнение с той опасностью, которая проистекает от объединенного человеческого усилия! Именно это делает мечту о мировом господстве и узурпации Божьих прерогатив иллюзорной реальностью.

Ветхий Завет в целом, и пророки в частности, преисполнены строгими предупреждениями против человеческой гордыни и высокомерия. Предметом нашего краткого рассмотрения будут три ветхозаветных текста, в которых прослеживается попытка могущественных правителей стать «равным Богу».

Прежде всего, это текст из пророка Исаии 14:12-15:

Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: "Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему". Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.

Текст Исаии 14:12-15 – это пример псевдопохоронной песни, составленной на смерть умершего царя². Первые четыре стиха 14 главы Исаии помещают этот текст в период Вавилонского плена, поэтому, скорее всего, песнь адресована усопшему правителю Вавилона.

² Watts, John. Isaiah 1–33// Word Biblical Commentary 24. – Waco: Word Books, 1985. – P. 211; Gowan, When Man Becomes God, - P. 45

Кем бы ни был изначальный «получатель» этого песнопения, важно отметить, что автор мастерски использует тематические элементы, которые хорошо понятны народам древнего Востока. Важно то, что все эти тематические элементы представлены в мозаике, аналогов которой не найдено в древневосточной мифологии^[3]. Так, например, нигде более, кроме Ис. 14:12, тема «низвержения с неба» не встречается в контексте вызова, который смертный человек бросает Богу. Другая весьма распространенная тема древнего фольклора «восшествия на небо» («небо» – место обитания богов) опять-таки нигде не встречается в контексте узурпации человеком Божьей власти во вселенной^[4]. Не имеет аналогов и беспрецедентное заявление смертного человека: «Взойду на небо, стану подобно Всевышнему». Абсурдность этого заявления указывает на катастрофические последствия человеческой гордыни. Когда тиран пытается занять место Бога, это неизменно заканчивается миллионами жертв невинно убиенных. Трагический опыт двадцатого столетия – яркое тому подтверждение.

В книге пророка Иезекииля 28:1-19 мы встречаем речение-жало-

³ Употребляя столь неоднозначную категорию как «миф», считаем необходимым дать следующее пояснение. В обывательском представлении, часто выдаваемом за «научное», под мифом понимается отжившая форма мыслительной деятельности человека, посредством которой передается не соответствующая действительности информация. На самом деле миф – это универсальный инструмент, с помощью которого человек обретает способность выразить словами свое миропонимание и мироощущение. Тот факт, что современная историография постоянно пользуется услугами мифа, доказывает полезность мифа для сохранения человеческого общества и культуры. Следует далее отметить, что евреи до-Пленного периода по всей вероятности не отличались в восприятии действительности от своих ближайших соседей (и это восприятие с точки зрения современной науки может быть охарактеризовано как мифологическое). В полемике с окружающими народами евреев волновали не столько вопросы мировоззренческого характера, сколько вопросы истинного и ложного поклонения. Хотя библейский нарратив, по мнению некоторых ученых, и может содержать элементы «фрагментарной мифологии», однако еврейское фундаментальное восприятие Бога как совершенно «Иного» полагает основание для качественно иного восприятия окружающей действительности. В отличие от классических мифов античности библейское повествование содержит последовательные черты исторического, а не мифологического мышления. См. Gowan, *When Man Becomes God...* - P. 66.

⁴ Ближайшая смысловая параллель встречается во «Фрагментах» Еврипида. Герой повествования Беллерофон, взбунтовавшись против несправедливости, возжелал взойти на небеса, чтобы доказать, что никаких богов не существует. У Исаяи же правитель бросает вызов Богу, желая узурпировать Его власть.

См. детальный анализ повествования в Gowan, *When Man Becomes God...* - P. 75-88.

бу, направленную против правителя Тира. Уместнее всего отнести это речение к 597 году до н.э., когда после взятия Иерусалима Вавилонский царь Навуходоносор обложил осадой город Тир. Сама осада продлилась 13 лет и окончилась падением величественного и чрезвычайно богатого древнего города. В чем смысл этой обличительной речи, особенно если учесть тот факт, что хотя Тир и был соперником Иерусалима, но в целом не представлял угрозы для Израиля? Пророческий глас последовательно обличает город Тир за проявление жестокости к людям (Амос 1:9-10), но в особенности за гордыню и чувство самодостаточности, которое возвышает правителя этого города до положения «бога» (см. Ис. 23; Зах. 9:2-4; Иез. 26-28).

Сын человеческий! скажи начальствующему в Тире: «Так говорит Господь Бог: За то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: "Я бог, восседаю на седалище божием, в сердце морей", и будучи человеком, а не Богом, ставишь ум твой наравне с умом Божиим» (Иез. 28:2).

Примечательно, что это речение помещено в контекст весьма пространного на Древнем Востоке рассказе об утраченном рае:

Сын человеческий! плачь о царе Тирском и скажи ему: «Так говорит Господь Бог: "Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Едеме, в саду Божиим; твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями; рубин, топаз и алмаз, хризолит, оникс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и нанизанное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего. Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония"» (Иез. 28:12-15).

Наряду с хорошо знакомыми в античности тематическими элементами (первый сотворенный человек и царь как *Urmensch*, сад и гора богов, «огнистые» камни и херувим), мы находим исключительно еврейские мотивы: упоминание Эдема как места обитания «первого человека», грехопадение и изгнание из рая Божия (ср. Быт. 3). Отождествление правящего монарха с первобытным «первым человеком» было хорошо известно в древнем мире. Царь как видимое

воплощение общины воспринимался как тот, через которого предки продолжают свое существование⁵¹. Связь между «первым человеком» и царственной фигурой еще более заметна в израильском контексте. Первый сотворенный «по образу и подобию» человек, по сути, поставлен владыкой над всем творением, которому поручено заботиться о саде Божиим (Быт. 1, 2 и Пс. 8). Примечательно, что в отличие от мифологических повествований древней Месопотамии, в которых человек, сотворенный из глины и крови, представлен просто как слуга богов, в библейском тексте речь идет о сотворении высокоразвитой, разумной личности с большим внутренним потенциалом творить добро (“Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты” – ст. 11; “Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония» - ст. 15). В определенном смысле предназначение любого правителя заключается в том, чтобы благодаря своему мудрому правлению приблизить возвращение красоты и величия потерянного Рая. С другой стороны, в той же самой личности заключен большой разрушительный потенциал. И когда могущественный правитель направляет все свои усилия на достижение желанной цели “быть как боги” (Быт. 3:5), тогда возвращение Рая становится несбыточной мечтой.

В книге пророка Даниила мы встречаем схожее речение, направленное против царя Вавилонского Навуходоносора, о котором сказано, что он “возвеличился и укрепился”, величие его “возросло и достигло небес”, власть его – “до краев земли” (Дан. 4:19). Его царство также уподобляется дереву, которое “было большое и крепкое, высоту своею достигало до небес и видимо было по всей земле» (Дан. 4:17). Однако Бог полагает конец этому высокомерию. Мы слышим Божий приговор: «Срубите дерево и истребите его...» (ст. 20). Неизбежным следствием всякого высокомерия является внутренняя метаморфоза: “Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное» (ст. 13). Желание стать богом неизбежно превращает “красавицу” в “чудовище”.

В равной степени тема соперничества человека с Б(б)огом в эллинистическом мире имеет давнюю традицию. В гомеровской Илиаде представлена сцена сражения между Энеем, сыном Тидида и

⁵¹ Pedersen, J. Israel: Its Life and Culture. – London, 1940. – P. 46-60.

Аполлоном. Когда Эней «подобно богу» набросился на Аполлона, тот останавливает его словами:

Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами,
Гордый Тидид! Никогда меж собою не будет подобно
Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!^[6]

Эллинистические мыслители античности довольно критически высказывались относительно человеческой гордыни и опасности злоупотребления властью. Так у Геродота мы находим следующее заявление:

И действительно, если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие, а зависть и без того присуща человеческой натуре. А у кого два этих порока, у того уже они все. Он творит множество преступных деяний^[7].

Схожим образом Исократ предупреждает об опасности, связанной с институтами власти:

Когда люди взирают на свои почести, богатство и власть, они считают, что все, достигшие царского положения – ровня богам^[8].

Важные политические и социальные преобразования эллинистического периода способствовали зарождению и дальнейшему развитию идеи обожествления земных правителей. Крах классической модели греческого города-государства и связанных с ним общественных институтов все больше убеждал простых людей, что избавление от возникшего хаоса может прийти только благодаря вмешательству богов. Начиная с Александра Македонского складывается практика почитания правящего монарха как бога. Древний афоризм хорошо суммирует представление о царе как о боге:

Кто бог? Держащий власть! Кто царь? Ровня богам (ισόθεοι)^[9].

⁶ Гомер, Илиада, Песнь 5. 442 (перевод Н. Гнедича).

⁷ Геродот, Персидские войны 3.80 (Перевод Г. А. Стратановского).

⁸ Исократ 2.5 (перевод с английского мой – Г.С.).

⁹ Цитата приводится в авторском переводе с английского из следующего источника: Price, Rituals and Power. – P. 234.

Одним из ярких примеров эллинистического правителя, который отважился переступить за грань, отделяющую человека от Бога, является сирийский правитель Антиох Епифан (215-164 гг. до н.э.). Именно с этим правителем связано начало Маккавейского восстания в Иудее. В книге Даниила он представлен как наиболее коварный и нечестивый из всех предшествовавших ему правителей:

И будет поступать царь тот по своему произволу и вознесется, и возвеличится выше всякого божества, и о Боге богов станет говорить хульное, и будет иметь успех, доколе не совершится гнев: ибо, что предопределено, то исполнится. И о богах отцов своих он не помыслит, и ни желания жен, ни даже божества никакого не уважит; ибо возвеличит себя выше всех (Дан. 11:38-37).

Схожим образом во Второй книге Маккавеев Антиох Епифан характеризуется как исключительно высокомерный и безбожный правитель, который “по гордости более нежели человеческой” думал, что может “повелевать волнам моря и... на весах взвесить высоты гор”, и мечтал “касаться звезд небесных” (2 Мак. 9:8, 10). Только на смертном одре, сраженный недугом, Антиох признается: «Праведно покоряться Богу, и смертному не должно думать высокомерно быть равным Богу» (ст 12).

Мы можем вспомнить имя еще одного правителя, царя Ирода Агриппу, которого постигла та же печальная участь:

В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер (Деян. 12:21-23)^[10].

¹⁰ Интересно как повествование о кончине Ирода Агриппы I в книге Деяний перекликается со свидетельством Иосифа Флавия:

«Между тем исполнилось три года, что Агриппа царствовал над всею Иудеею. Однажды он поехал в город Кесарию, которая раньше называлась Стратоновою башнею. Тут он устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, которые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: "Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой, как перед человеком, то теперь мы готовы

Практика почитания правящего монарха была унаследована в первом веке римскими императорами^[11]. Культ почитания императора складывается как естественное продолжение греческой традиции, которая щедро приписывала правителям и царям почести ἰσοθεοῦ τῶν βασιλέων, то есть почести, оказываемые богам^[12]. Важно отметить, что к концу правления кесаря Августа право наделять божественными почестями в восточной части империи было ограничено исключительно императором и его семьей^[13]. Совершенно очевидно, что узурпировав право награждать божественными почестями, Август подчеркивал уникальность своей личности.

В многочисленных трактатах современника апостола Павла Филона Александрийского (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) также встречается критика человеческого высокомерия и гордыни:

...каждый надменный высокомерный человек полон пустой гордости, смотрит на себя не как на человека или полубога, но как на само божество..., считая себя вправе переступать все границы человеческой природы^[14].

В двух других трактатах «О жизни Моисея» и «О посольстве к Гаю» Филон косвенно рисует контраст между двумя вождями, Моисеем и императором Гаем. Об обоих говорили, что они были «как бог», хотя они демонстрировали два диаметрально противоположных подхода к получению этого статуса. С одной стороны, мы видим римского императора, который «решил переступить границы человеческой природы — и переступил их в своем рвении стать

признать, что ты по природе своей выше всякого смертного". Царь не особенно был поражен этими заявлениями и не думал остановить кошуновствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидел на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нем предвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье; скорбь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: "Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью"» (Иуд. Древности 19.8.2).

¹¹ Erik Heen, «Philippians 2:6-11», - P. 125.

¹² См. D. Fishwick, The Imperial Cult in the Latin West, - P. 21-31. Обратите внимание на то, как слово ἰσοθεῖα перекликается со словосочетанием ἴσα θεῶν, которое Павел использует в Флп. 2:6.

¹³ Price, Rituals and Power. - P. 49-50; см. также «Gods and Emperors». – P. 79-95.

¹⁴ О добродетелях 172; 174. (перевод с английского мой – Г.С.).

богом в глазах людей»^[15]; а с другой стороны мы видим предводителя Исхода, Моисея, который за свою верность был назван «богом и царем всего народа»^[16]. Именно чрезмерная гордыня привела Гаю к безумному желанию: «Гай надулся спесью сверх меры, не только называя, но и считая себя богом»^[17]. Когда возглавляемая Филоном делегация александрийских евреев пришла в Рим с ходатайством не возводить в Иерусалимском храме статую, то император встретил их гневной тирадой: «Вы что, богоненавистники? Уже весь мир признал меня богом, а вы не верите и богом не зовете?»^[18].

Еще в одном литературном источнике древности, в т.н. Оракулах Сивиллы, дважды встречается предсказание о возвращении «человека разрушения», который, вернувшись, «сделает себя равным Богу» (ἰσαζῶν θεῷ)^[19]. Как полагают исследователи, это предсказание является частью популярной в конце первого века легенды о возвращении к жизни императора Нерона (так называемый миф *Nero redivivus*). Претензии на равенство с богом, возможно, были отражением конкретных действий Нерона во время его жизни. Дело в том, что начиная с 59 г. н.э. Нерона во всех его общественных мероприятиях сопровождала специально организованная многотысячная толпа молодых людей (т.н. *Augustiani*), которые повсеместно приветствовали Нерона криками: «Наш Аполлон... собой мы клянемся, о, Цезарь, никто не превосходит тебя»^[20].

В свете представленного свидетельства слова апостола Павла в Флп. 2:6 получают дополнительную значимость. В отличие от сильных мира сего, которые тщетно пытались узурпировать заветный статус «равенства Богу», Сын, который обладал этим статусом по праву, добровольно воспринял образ раба, «смирил себя даже до смерти и смерти крестной» (Флп. 2:8)! В отличие от господствовавшей в древнем мире парадигмы самовозвышения через интриги, об-

¹⁵ О посольстве к Гаю 75; ср. 93. Текст этого трактата воспроизводится по изданию: Библиотека Флавиана, выпуск 3. – Москва – Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1994.

¹⁶ О жизни Моисея 1.156-158. (перевод с английского мой – Г.С.).

¹⁷ О посольстве к Гаю 25.

¹⁸ О посольстве к Гаю 44.

¹⁹ Оракулы Сивиллы 5.48-49; ср. 12.113-114.

²⁰ Дион Кассий 62.20.5.

ман и преступление, Сын полагает новую парадигму возвышения через уничижение, смирение и крест. «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени» (Флп. 2:9)!

Тот факт, что последователи Иисуса, проигнорировав повеление кесаря, присвоили статус ἰσὰ θεῶν казненному Римом безымянному странствующему проповеднику из Назарета, должен был выглядеть особенно возмутительно. Подобное заявление могло быть чем угодно, но только не политически безобидным, потому что оно ставило личность Иисуса в конкурентные отношения с самим императором! Тем самым зарождающееся христианское движение встало на путь, который в скором времени приведет его к открытой конфронтации с господствующей имперской идеологией.